

Феликс Кохрихт

Всадник: «В предчувствии...»

Фото выполнено В. Хрущом

Было время (80-е годы), когда многие из нашего окружения под впечатлением блистательного текста Валентина Катаева, повести «Алмазный мой венец», принялись «шифровать» своих друзей, приятелей, знакомых... Напомню, что классный стилист и коварный мовист, Валентин Петрович нашел для своих современников, выдающихся деятелей литературы и искусства, краткие и меткие псевдонимы, иные из которых мы раскатывали сразу, а другие для меня какое-то время оставались загадкой. Вот лишь два примера: Багрицкий был наречен простодушно: Птицелов, Олеша – изысканно: Ключик...

В Одессе та игра коснулась, в основном, художников. Тогда, да, на мой взгляд, и сейчас, они наиболее интересно и ярко представляют наш город... Не стану теперь, спустя столько лет, приводить примеры игры моего тогдашнего воображения. Иных уж нет, а те далекие, да и многие работающие нынче порой так изменились...

Но вот Женя Рахманин как был наречен мною Всадником, так и остается им и сегодня. И как же удивился и обрадовался я тому, что на плакате, приглашающем на юбилейную выставку в Музее современного искусства Одессы, увидел его давнюю картину: «Всадник». И девиз экспозиции: «В предчувствии Большого взрыва».

В заголовок этих заметок я вынес лишь первую составляющую этого слогана. И вот почему. Чувственное восприятие с сотворения мира присуще творческим натурам: художникам, поэтам, музыкантам. Это понимали древние этруски, эллины, египтяне, китайцы. Соотношению чувства и разума в их природе посвящены труды ученых и оккультные пособия... Я же позволю выделить для себя такой критерий. Истинно чувствительная, провидче-

ская личность способна предчувствовать – не только катаклизмы (вроде БВ), но и оттенки цвета и света, отзвуки обертонов, эхо рифм – не только уже состоявшихся, но и тех, которые грядут, а попроще – ожидаются. Вот почему, уверен, Рахманин, не чуждый, как и мы, рассуждениям о судьбах человечества, более всего ценит блики на воде лимана у его домика в Алтестово, шорох стрекозиных крыльев, звон струны – единственной на диковинном музыкальном инструменте, который он смастерил давно, еще на чердаке огромного дома на Пироговской, где мы и познакомились. И она сегодня – экспонат выставки...

На звук этой струны, на рокот бубна, на верхнее до, которое Женя запросто извлекал из глубины своей души на уровне солиста Ла Скалы... И сегодня старые друзья зовут его Бельканто.

На все это, трудно поднимаясь по шаткой лестнице и пригибаясь под закопченными балками, спешили знаменитые музыканты – два Володи, Чекасин и Тарасов, Юра Кузнецов, еще мы, с трудом умеющие слушать и стремящиеся петь и бить во что попало...

Среди тогдашней страты одесских авангардистов было немало ребят с лица необщим выражением, но Рахманин выделялся не только экзотической внешностью, но и полным отсутствием суетливости, был скорее погружен в размышления, но при этом – добродушным, отзывчивым на предложение выпить бессарабского вина, добрым товарищем и в работе, и в дружеской пирушке...

Тогда он удивлял нас композициями, редкими для привычных сюжетов одесских художников. Он любил море, но и сегодня среди его работ его мало. Местом действия его сюжетов, как правило, служили степь и горы, Героем был и остается Всадник, причем степняк, схожий с воинами Чингисхана, но не в исторических костюмах а-ля Верещагин, а скорее тот, кого мы впоследствии увидели в провидческом фильме Валерио Дзурлини «Пустыня Тартари», действие которого разворачивается то ли в прошлом, то ли в будущем. Из глубин степи на погранзаставу некоего государства то и дело наведываются Всадники – они не представляют никакой опасности. Пока. Но за ними предчувствуется тьма, обширнее тамерлановской...

Уверен, Женя ни тогда, ни сейчас, даже когда ситуация в мире стала откровенно тревожащей, не полагал своих Всадников символами недоброй воли и силы, хотя одна из его знаковых работ

имеет точную привязку к этнической и исторической принадлежности персонажа – «Гунн». И все же интуиция и сегодня помогает ему безошибочно не только выбирать сюжеты для своих полотен, но формировать ментальное поле вокруг них.

На вернисаже в МСИО я первым делом устремился к работам классического Рахмана... Признаюсь, люблю их, как и классического Хруща. Самое время сказать, что Женя сегодня представляется мне, пожалуй, тем из адептов Валика, кто ближе всего подошел к нему на расстояние вытянутого – не копыя, а кисти. Помню их бесе-

ды на Пантелеймоновской под пиалки с чаем, под кайфики, отвоеванные у забвения на Староконке, под негромкий перезвон золингеновских стамесок, которые Хрущ доставал для знатока – Рахмана.

Они схожи – и тогда, и сейчас, когда Хрущика уже нет. Схожи – не атлеты, но ладно сложенные, сухие на мышцы, крепкие на кость, оба с виду бы не наши, не одесситы, вроде матросов с зашедших южных кораблей, но более наши, чем кто-либо. Оба вплотную, но с разных сторон, подошли к границе Ойкумены – ареала, который эллины отвели для подобных себе (быть может, и не равных им, но в главном). Валик, исконный житель наших мест: Бугаз, Лузановка. Пересыпь... Женя, уроженец села Воцеты близ шахтерского городка Владимир-Волынский.

Валик всю жизнь провел в Одессе: московская – другая жизнь.

Рахман вовсе не из кайсак-колмыцкой орды и не имеет степных генов. В его крови сошлись удмурты, русские, австрийцы и поляки, а случился вот такой – одесский Будда. Его родители пережили фашистский лагерь, сталинскую ссылку. Маленький

Женя впервые увидел степь и горы в Казахстане, там же и запел... Там же увидел Всадника на кургане...

Лишь недавно, зайдя после выставки в его мастерскую на Белинского, я узнал, что в студенческие годы он остро нуждался в заработке, но не стал малевать рекламные щиты для кинотеатров, не устроился натурщиком, а отыскал в степи под Асканией-Новой конезавод, где выращивали элитных скакунов классической европейской породы. Молодняк, отобранный для выучки, здесь доверяли лишь потомственным конникам, не боявшимся горячих скакунов и обладавшим особыми секретами выездки, хранившимися в семьях много лет. Одесский студент, будущий художник, стал одним из них. Ему сразу же доверились люди, знающие и степень риска, и цену неуспеха в деле их жизни. Ему сразу же не покорились, а подчинились молодые скакуны, еще не знавшие узды.

В один день и час в МСИО открылись четыре выставки.
И среди них – Евгения Рахманина

Таня и Женя

Какие знания и навыки Всадника ждали своего часа, чтобы проявиться в полную силу?

А спустя время Рахманин отправился в Казахстан, горы своего детства, и сходу, с поезда, пошел вверх – сначала по тропе, а затем, карабкаясь по скалам, к вершине, которую себе наметил. Опытные альпинисты признали его своим...

...То же предчувствие привело его к Тане – они увлеклись Востоком (она – Китаем, где жила с родителями в детстве), покупали в складчину альбомы импрессионистов.

Мы с моей Таней часто у них на чердаке, они – у нас на Успенской.

Среди знаковых работ Жени и портрет Тани-«китайки»: не стилизация, а образ с натуры.

Среди работ последних лет – меньше Всадников, больше гор. Рахманин – великолепный рисовальщик – все дальше отходит от четко очерченного абриса границы Ойкумены, к которой много лет назад подошел с Хрущом, пусть с разных сторон, но вместе. Его горные хребты и цепи все больше напоминают море...

В ожидании чего задумался художник, переваливший седьмой десяток лет?

Большой ли это взрыв – эхо сотворившего и горы, и море, и коней, и Всадников...

Или – беззвучный хлопок, с которым одуванчик отрывается от семьи, и ветер уносит его вдаль?..